

Максим Александрович Беляев

Преподаватель кафедры онтологии и теории познания Воронежского государственного университета, кандидат философских наук

E-mail: jurist84@inbox.ru

Взаимное признание как условие легитимности права и фактор социокультурной интеграции*

Аннотация: в статье рассматривается феномен юридической легитимности. В ходе рассуждений обосновывается, что легитимность властных предписаний не совпадает с их легальностью; легитимность норм в современном демократическом обществе выступает критерием качества правового регулирования; легитимная норма, будучи социальным фактом, играет позитивную роль в процессах социальной и системной интеграции. Установлено, что оптимальным демократическим механизмом легитимации права является взаимное признание субъектами правовой системы друг друга. Признание имеет многослойное измерение, но его юридическая составляющая представляет собой всего лишь промежуточную фазу, завершаясь, согласно концепции А. Хоннета, установлением интегрирующей связи между индивидом и социумом. Это является предпосылкой развития гармоничной личности, способной активно, творчески относиться к полученному от общества объему знаний, установок, стереотипов, ценностей.

Ключевые слова: правовая система, норма, легитимность, взаимное признание, легитимация, социальный порядок, правовое регулирование.

Maxim Alexandrovich Belyaev

Lecturer of the Department of ontology and theory of knowledge at the Voronezh State University, Candidate of philosophical science

Mutual Recognition as a Condition of Legitimacy of Law and the Factor of Socio-Cultural Integration

Annotation: the article considers the phenomenon of legal legitimacy. In the course of reasoning it is argued that the legitimacy of power requirements does not match their legality; legitimacy of norms in a modern democratic society is a criterion of quality of legal regulation; legitimate norm as a social fact, plays a positive role in processes of social and system integration. It is established that the optimal democratic mechanism

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-03-00491.

of legitimization of law is the mutual recognition by actors of the legal system of each other. Recognition is a multi-layered dimension, but its legal component is just an intermediate phase, culminating, according to the concept by A. Honneth, the establishment of integrative links between the individual and the society. This is a prerequisite for the development of a harmonious personality, capable of active, creative treatment of the knowledge, attitudes, stereotypes, values obtained from the society.

Keywords: legal system, rule, legitimation, mutual recognition, legitimacy, social order, legal regulation.

Общество представляет собой систему, т. е. целостное единство с определенной структурой, функцией и свойствами, вне данного единства не существующими. Пока существуют эти свойства, существует и само общество. Однако системное единство не складывается автономно и не может в течение длительного времени само собой сохраняться. И для объединения, и для распада социальной структуры должны существовать как причины, так и условия. Назовем взаимоотношения, обеспечивающие социальное единство, интегративными. Тогда с точки зрения теории полезно различать два интегративных процесса. Первый конституирован отношениями индивидов друг с другом, т. е. личными контактами. Второй характеризует взаимодействие нефизических (бестелесных) частей единого целого. Коль скоро мы говорим о социуме, под частями подразумеваются те или иные социальные институты. В макросоциологии первый процесс принято именовать социальной интеграцией, а второй — системной интеграцией.

Эти понятия впервые предложил различать Дэвид Локвуд в работе 1964 г. «Социальная интеграция и системная интеграция». Он установил противоречие между исследовательскими позициями конфликтологов (сводящих развитие общества к усилиям разнообразных акторов по нормализации и преодолению конфликтных ситуаций) и нормативных функционалистов (выражающих полное невнимание к межличностным взаимодействиям ради изучения институциональной динамики как двигателя прогресса)¹. Отсутствие взаимопонимания между представителями названных парадигм приводит к тому, что, с одной стороны, индивидуалистский и холистический принципы пребывают в конфронтации, а с другой — некоторые значимые тезисы социальной онтологии остаются неverifiedированными (к примеру, нельзя объяснить, почему некоторые конфликты не приводят к структурным изменениям в обществе и т. п.).

Оставляя в стороне внутрикорпоративные споры социологов, отметим, что различие системной и социальной (или социокультурной) интеграции имеет важное познавательное значение для предмета общей теории права. Конечно, мы имеем в виду теорию права, выходящую за рамки позитивистского мировосприятия. Не следует думать, что противостоянием позитивизму исчерпываются положительные стороны желаемой концепции (подчеркнем важное: завершенной, в полном смысле «общей» правовой теории нового типа пока не создано). Мы всего лишь подразумеваем, что правовые структуры и иные определенным образом удостоверенные социальные факты не составляют и не могут составить исчерпывающего содержания юридической науки. При

¹ См.: Lockwood D. Social Integration and System Intergration // G. K. Zollschan and H. W. Hirsch (eds.) Explorations in Social Change. Boston : Houghton Mifflin, 1964.

этом мы не отрицаем значительную роль государства в механизме правового регулирования. Впрочем, в фокусе нашего внимания находятся иные обстоятельства.

Рассмотрим правовую систему, дав ей предварительно такое определение, релевантное задаче исследования. Для этого следует подняться на более высокий уровень социальной эпистемологии и указать дефиницию для нормативной системы. Назовем нормативной системой совокупность социальных норм, некоторым способом обособленных от аналогичной совокупности такого же уровня абстракции (понятие социальной нормы здесь не раскрывается, поскольку предполагается известным, несмотря на то, что социологическое и правовое значения разнятся между собой).

Будем считать, что необходимое для существования нормативной системы организационное обособление осуществляется по некоторому принципу; данный принцип доступен, известен и понятен некоторому множеству агентов, разделяющих его суть (т. е. он представляет собой не просто информацию, но выраженную в виде информации наиндивидуальную ценность).

Под агентами мы понимаем тех участников нормативной системы, от решений которых тем или иным образом зависит качественная или количественная определенность норм, составляющих систему. При этом можно допустить наличие агентов, действующих межсистемно. Как бы то ни было, для любого агента характерны: а) интенциональность — способность относительно точно представлять себе цель собственной жизнедеятельности на любом ее интервале еще до достижения этой цели; б) рациональность — способность минимизировать временные, пространственные, денежные и иные затраты по достижению цели. Ясно, что интенциональность и рациональность — способности не абсолютные и среди агентов распределены неравномерно.

Важно понимать, что между проекциями нормативной системы нет каузальных связей. Агенты, к примеру, не обязаны разделять навязанные им извне правила (или постоянно придерживаться одних и тех же конвенций), структура норм может регулировать поведение каких угодно агентов и подчиняться каким угодно принципам, а принципы могут быть воплощены в структурах разной степени сложности, в общем случае не требуя текстуального закрепления. Таким образом, нормы, агенты и принципы образуют три независимых аспекта любой нормативной системы.

Как уже было сказано, включенные в нормативную систему агенты должны разделять убеждение относительно верности одного и того же принципа — это наиболее простой способ самоидентификации. В том случае, если в качестве указанного принципа рассматривается суверенитет государственной власти (т. е. ее верховенство на определенной территории и независимость как во внутренней, так и во внешней политике), мы получаем правовые системы, каждая из которых принадлежит тому или иному государству. Такие системы являются центральными классификационными единицами, все прочие подклассы нормативных систем, выделяемых по принципу суверенитета, используются в качестве дополнительных:

- системы международного уровня;
- системы межгосударственного или межрегионального (в рамках одного государства) уровня;

– системы отдельных организаций и сообществ.

Легко заметить, что различные виды интеграции апеллируют к разной идентичности. Для общения на межличностном уровне требуется персональная идентичность, для системной интеграции необходима идентичность коллективная (групповая). Наблюдается закономерность: по мере разрастания социальная интеграция делает возможной обретение групповой идентичности – это тривиальный факт социальной психологии¹. Обратное в общем случае неверно, т. е. системная интеграция не способствует развитию личностного начала в индивидууме.

Указанная асимметрия интеграционных процессов делает актуальной проблему легитимности социальных норм, впервые отчетливо поставленную немецким философом Ю. Хабермасом². В общепринятой трактовке речь идет вот о чем: если существует осознанное основание подчиняться норме, она легитимна. Но здесь легитимность вряд ли можно отличить от легальности (законности). Говоря более строго, норма может считаться легитимной при соблюдении двух условий:

1) для любого агента она может быть предметом интенционального отношения;

2) вопрос о ее применении в каждом отдельном случае может быть решен рационально. Соответственно, если норма права не рассматривается субъектом при полагании какой-либо цели (речь идет о любых целях внутри «жизненного мира» субъекта), или если норма права не позволяет устранить неопределенность в отношении расходов, которые несет субъект ради осуществления своего интереса, такая норма не может считаться легитимной.

В правовой науке тема легитимности правовых норм весьма востребована – не только мировоззренчески, но и прагматически. Нам всегда хочется знать, в какой мере действующее право выполняет свое предназначение. От этого зависят, например, направления правовой политики, законодотворческая деятельность парламента, престиж государственной власти и т. д.

Концепция юридического позитивизма основание действительности правовой нормы видит исключительно в том, что данная норма издана сувереном в лице компетентного органа государственной власти. Тожество нормы права и приказа суверена является вполне достаточным основанием, что коррелирует с методологической основой позитивизма: норма права есть эмпирический факт, и ее авторство тоже является эмпирическим фактом. Следовательно, речь может идти только о том, установлена ли связь между двумя фактами. Метафизические сущности для объяснения права и для доказательства его наличия привлекать вовсе не требуется. Преимущества этой теории очевидны, и чем проще интерпретация права как приказа, тем выше ее объяснительный потенциал. Приказы могут быть разные, а суверен – один. Его воля, будучи формой организации и управления, становится к тому же содержанием. Для практики, равно как и для теории эта умозрительная схема кажется соблазнительной в своем универсализме. Так, например, юридический позитивизм не испытывает затруднений при классификации источников права, без проблем способен отличить моральную норму от правовой и т. п. Но как только

¹ Об этом см., напр.: Archer M. Social Integration and System Integration: Developing the Distinction // *Sociology*. 1996. Vol. 30, № 4. P. 681.

² См.: *Habermas J. Legitimationsprobleme im Spätkapitalismus*. Fr/M., 1973.

возникает вопрос о качестве правового регулирования, позитивизм мгновенно устраняется от ответа: по словам Дж. Остина, «существует право или нет — это один вопрос, а удовлетворяет ли оно принятым критерием качества — другой вопрос»¹.

Нельзя сказать, что эта особенность юридического позитивизма делает его безусловно ошибочным. Вернее было бы говорить, что мы имеем дело с парадигмально обоснованным познавательным ограничением, в пределах которого, кстати, до сих пор остается возможным некоторое развитие, концептуализация юридических проблем и их решение. Поскольку позитивистский принцип элиминации метафизики не отменяет необходимости исследователя наблюдать за связью фактов, позитивизм сохраняет за собой ряд возможностей, что не позволяет считать его полностью неприемлемой доктриной.

Проблема легитимности права возникла отнюдь не благодаря отвержению юридического позитивизма. Ее статус обусловлен попыткой сделать научно обсуждаемым вопрос о том, почему некоторые законы не исполняются, даже будучи вполне разумными. Другими словами, легитимность может быть предметом внимания повсюду, где взаимопроникновение рациональных и иррациональных моментов развития права становится очевидным для деятельного разума (а не только философского). Такого рода исследовательский интерес не в последней степени инспирирован практическими запросами.

По словам Ю. Хабермаса, в любом социальном действии селективно (избирательно) осуществляется общепризнанная культурная ценность, в то время как реалии единичной ситуации выступают ограничительным фактором. Что касается фундамента социального порядка, то в этом качестве могут выступать как минимум три феномена: внутренние санкции (индивидуальная мораль субъекта, чувство долга, чувство стыда и т. д.); внешние конвенциональные гарантии (в их основе лежит всеобщая негативная оценка отклоняющегося поведения); внешние юридические гарантии, т. е. право в собственном смысле слова. Правовые нормы требуют от агентов социально-конформного (как минимум) поведения под угрозой внешних санкций².

Кризисом легитимности права будет выступать такое положение дел, когда при наличии внешних запретительных санкций ценности, отражаемые правовыми предписаниями, остаются неувоенными населением. Этому может быть две причины — низкое качество самих предписаний и отсутствие (или вырождение) общепризнанных процедур легитимации права. Первое обстоятельство устраняется усилиями, с одной стороны, практиков, вооруженных арсеналом юридико-технических средств, с другой — теоретиков, доктринально оправдывающих ценностное наполнение правовой формы, которое в разное время может быть выражено с разной степенью отчетливости, но никогда не отсутствует полностью.

Второе обстоятельство требует более пристального внимания. Отнюдь не все управляющие сигналы, исходящие от власти, обладают значимостью. Избыточное правовое регулирование (то, что принято называть юридикацией общества) способствует отчуждению права от граждан, превращая нормы в нейтральные,

¹ Austin J. *The Province of Jurisprudence Determined* / W. E. Rumble (Ed.). Cambridge : Cambridge University Press, 1995. P. 157.

² См.: *Habermas J. Faktizität und Geltung. Fr/M. : Suhrkamp, 1992. S. 92.*

никому не интересные и никому не выгодные суждения¹. Предписания утрачивают моральный авторитет, следовательно, социальный порядок держится только за счет внутреннего самоконтроля индивидов (как показывает Ю. Хабермас, автономия воли, понимаемая в кантовском смысле, вовсе не может гарантировать какого-либо порядка)². Однако сомнительно, чтобы ресурсы личности в обществе позднего модерна (т. е. глобального капитализма) возрастали, скорее мы имеем противоположный эффект. Личность вынуждена играть слишком большое количество социальных ролей, ее поведение предельно формализуется, выхолащивается, а самоощущение и понимание становятся поверхностными. Надо отметить, что это вырождение базовых человеческих качеств идеально с точки зрения системной интеграции, поскольку чем меньше агенты рефлексии, тем проще ими управлять посредством потоков информации определенного содержания. Но такое состояние личности идет вразрез с целями социокультурной интеграции, т. к. позволяет формально воспринимать и транслировать ценности, не вырабатывая тех самых внутренних санкций, о которых шла речь выше.

Мы уже сказали, что неконтролируемое перепроизводство значений или управляющих сигналов предполагает достижение консенсуса по поводу того, какие из них будут считаться приемлемыми. Сторонники критической теории общества (так называемая Франкфуртская школа) полагают, что приемлемость правила поведения обусловлена приемлемостью процедуры обсуждения данного правила. Если речь идет о правовой норме, опирающейся на формальное равенство субъектов, то в процесс обсуждения должно быть вовлечено как можно больше агентов из числа заинтересованных в исполнении данной нормы. Вовлечение, в свою очередь, невозможно без взаимного признания государства и гражданского общества. Следовательно, мы вправе заявить, что взаимное признание является необходимым условием юридической легитимности.

Для социально-философских исследований интерес представляют работы немецкого философа А. Хоннета, посвященные социальному признанию. Его работа «Борьба за признание. Моральная грамматика социальных конфликтов» оживила дебаты по данной теме. Сегодня модель признания, разработанная Хоннетом, служит теоретическим базисом для многочисленных исследований, в первую очередь эмпирических.

Признание, по Хоннету, представляет собой многослойное измерение, которое присуще любым межсубъектным взаимоотношениям и одновременно оформляет их нормативно. Поэтому на первый план в его работе выходит понятие взаимного признания. С точки зрения Хоннета, взаимное признание имеет первостепенное значение для двух процессов. Во-первых, для конструирования полноценной идентичности субъекта. Взаимное признание субъекта является одной из предпосылок преобразования здорового позитивного отношения к самому себе в самосознание и самоуважение, что, в конечном счете, и обуславливает формирование полноценной идентичности. Во-вторых, взаимное признание играет немаловажную роль в процессе создания и поддержания интеграционного потенциала общества, т. к., по мнению автора, самосознание общества во многом определяется степенью институционализации взаимного признания³.

¹ См.: *Teubner G.* Juridification of Social Spheres: a comparative analysis in the areas of labor, corporate, antitrust and welfare law. Berlin : De Gruyter, 1987.

² См.: *Habermas J.* Faktizität und Geltung. Fr/M., 1992. S. 93.

³ См.: *Honneth A.* Kampf um Anerkennung. Fr/M. : Suhrkamp, 1992. S. 22.

А. Хоннет выделяет три сферы, или измерения взаимного признания: эмоциональное признание, правовое признание и социальное признание. В основе первого измерения лежит принцип взаимной любви, симпатии и заботы. Именно в этой сфере при удачном построении отношений субъект формирует доверие к самому себе. Вторая сфера признания принципиально отличается от первой тем, что принцип правового равенства не ограничен эксплицитно первичными отношениями, такими как дружба или любовь, характерными для эмоционального признания. Взаимное признание на этом уровне выражается в следующих отношениях: субъект признает нормы общества путем интернализации генерализованного Другого, который постоянно напоминает субъекту о его обязанностях по отношению к другим. В то же время со стороны других членов общества данный субъект может признаваться носителем индивидуальных неотъемлемых прав.

Третья сфера признания базируется на принципе учета достижений и заслуг перед обществом. Социальная значимость субъекта зависит от того, какой вклад этот субъект может внести в реализацию общественных целей. При этом субъекты одного общества, подчеркивает Хоннет, могут уважать и признавать друг друга только тогда, когда они разделяют ценности и цели данного общества. В сфере социального признания первостепенное значение приобретают индивидуальные качества, которые делают каждого субъекта неповторимым и благодаря которым достижения субъекта имеют большую практическую ценность для данного общества.

Таким образом, последовательное приобретение взаимного признания во всех трех сферах является предпосылкой для успешного конструирования персональной идентичности. Позиция А. Хоннета коррелятивна взглядам Ю. Хабермаса относительно трех оснований социального порядка, о чем уже было сказано выше. Действительно, социокультурная интеграция индивида, становление гармоничной личности, способной активно, творчески относиться к полученному от общества объему знаний, установок, стереотипов, ценностей, зависит от достижения взаимного признания. Последнее, в свою очередь, делает устойчивым бытие личности в обществе, поскольку объединяет внутренние санкции и внешние гарантии порядка.

Представляется, что правовые реформы, осуществляемые властью, должны иметь в виду, что преодоление нигилистического отношения граждан к закону возможно только посредством введения элементов делиберативной демократии, интенсификации обсуждения всех важнейших юридических новаций и всестороннего повышения уровня правовой культуры личности. Данные меры должны также обрести соответствующую теоретическую поддержку. Правовой науке такая связь с жизнью пойдет исключительно на пользу.

Пристайный библиографический список (References)

1. Archer, M. Social Integration and System Integration: Developing the Distinction // *Sociology*. – 1996. – Vol. 30, № 4. – P. 679–699.
2. Austin, J. *The Province of Jurisprudence Determined* // J. Austin. – London : John Murray, 1831. – 391 p.
3. Habermas, J. *Legitimationsprobleme im Spätkapitalismus* / J. Habermas. – Fr/M. : Suhrkamp, 1973. – 208 s.

4. Habermas, J. Faktizität und Geltung / J. Habermas. — Fr/M. : Suhrkamp, 1992. — 667 s.

5. Honneth, A. Kampf um Anerkennung / A. Honneth. — Fr/M. : Suhrkamp, 1992. — 352 s.